

**Александра
ПОЯРКОВА***г. Рим, Италия*

В городе, в котором я жила в детстве, был большой шинный завод. Некоторую часть бракованной продукции использовали для детских площадок — ставили в ряд ребром и где-то до середины закапывали в землю. Получалась такая шинная дорожка, по которой утром бегала и прыгала мелкотня вроде меня, а вечерами на ней пила пиво молодежь. Может быть, такое придумали делать не только у нас, но я потом была во дворах многих городов, но нигде больше такого не замечала.

Каждый город по-своему неповторим. И каждый меняется, гонится за модой, следит за новостями политики, растет или сохнет, разрушается, ремонтируется и украшается... Только если это город, где ты выросла, тебе не хочется видеть никаких изменений. Всего пару дней — и пусть все будет как тогда, как раньше. Поэтому, приехав, я не стала искать телефоны одноклассников или расспрашивать деда о знакомых, даже о соседях. Я и так уже вижу, что вместо волейбольной площадки сделали автостоянку, а на углу дома, где был магазин «Молоко», сделали салон красоты.

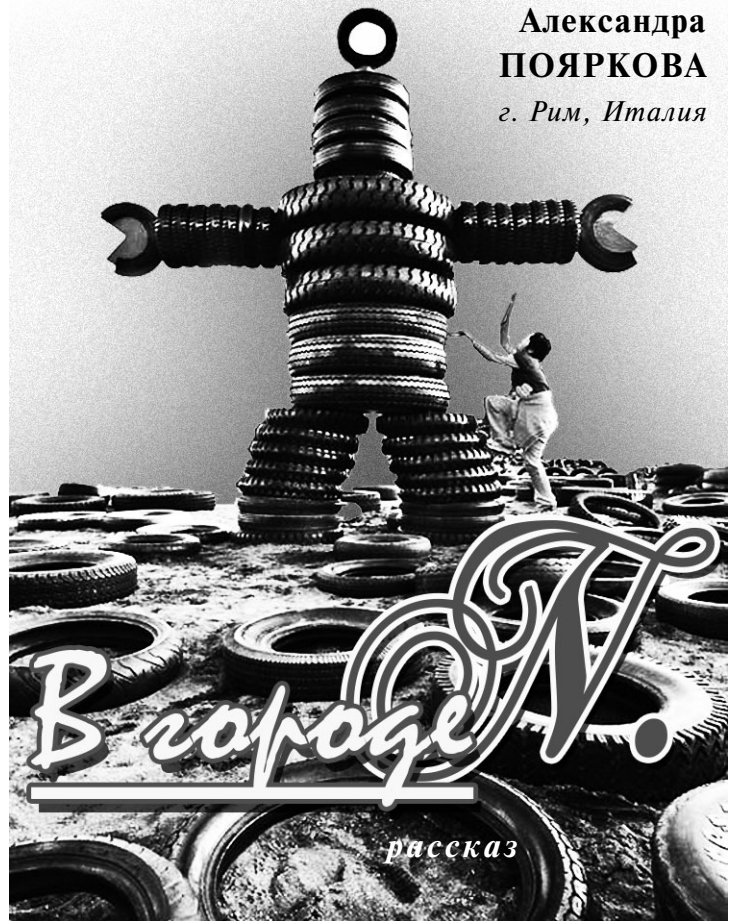
— Съездила бы погулять в центр...
Прошлась бы по набережной... — сказал дед перед обедом. — Там так причал красиво отделили ко Дню города...

— Сначала суп доварю. Сегодня куриный, — ответила я и поцеловала его в лысую голову.

А через полчаса оделась и пошла к автобусной остановке.

Всего лишь за три неполных десятка лет я успела пожить не в одном городе и даже не в одной стране. Везде у меня остались компании друзей, с которыми я стараюсь не поддерживать связь. Конечно, у меня есть все адреса и телефоны и, может, я даже приеду к ним как-нибудь в гости, если буду уверена, что в этот вечер все будет как раньше. Не то чтобы я боялась перемен, но и жить воспоминаниями не считаю интересным. Кто-то мудрый сказал, что в одну реку нельзя войти дважды. Я запомнила.

Города — как те же некогда любимые люди.

Несколько приятно оттого, что помнишь ближайший путь до аптеки, названия трех параллельных улиц и какая обычно погода в мае. И все, никаких больше чувств. И были ли?..

Я это и так знала, но мама сказала: «Придется мне брать отпуск за свой счет, ведь надо же ехать», а мне стало стыдно. Тогда я твердо заявила, что, пока мои документы готовятся, а работа меня не нашла, поеду я. Купила теплую куртку и билет на поезд.

Теперь, с настроением выполняемого долга, я доехала на желтой маршрутке до центра, вышла, закурила и в растерянности оглянулась. Что же делать дальше? Мне не на что смотреть, и нет ничего нового, что могло бы меня удивить. Может, «макияж» города и видоизменился, но все внутренности, его «мясо» остались прежними. В растерянности я побрела через парк. Под первой же лавочкой спал алкаш,

почти все остальные занимали его братья по разуму. На тех, что в начале парка, поближе к ларьку, пили взрослые мужики. На дальних, там, где уже открывался романтичный обзор набережной, веселился молодняк. Школьники крутились под деревьями, прятали бутылки пива в перчатки и оглядывались, закуривая.

Я дошла до реки, унылой, серистой, ещё кое-где заплыванной льдинами. Посмотрела на прогуливающих под руку старушек, редких бегунов с собаками, молодых барышень... Неожиданным пятном блеснула чересчур шикарная вывеска бара на втором этаже речного вокзала. И я пошла на этот свет.

Все было до противного свое. Прожив несколько лет в Греции и прознав «всю подноготную», я совершенно растеряла те чувства очарования и восхищения северного жителя, которые обычно они испытывают перед теплыми морскими городками, где, кажется, не прекращается жара, не кончаются фрукты с вином, песни, танцы и беспечные связи. Промучившись не одну зиму в доме без отопления, подхватив жуткую простуду от нескончаемых морских ветров, проведя не одну бессонную ночь из-за криков пьяных туристов, наконец пресытившись морем до кончиков волос, я уже была рада тому, что приходилось уезжать. Но и не знала, как вернуться на родину, казавшуюся уже рудиментом. Оказалось, это слишком легко и обыденно. Все черточки быта уже ввелись в тебя и хорошенько пропитали, все знакомо, вплоть до стаканов в баре, в который тебе наливают виски. Хотя, казалось бы, откуда я могу это знать? Много ли раз я была в барах до своего отъезда? Думаю, можно на сигаретах в пачке посчитать.

А ведь наверняка почти все мои некогда друзья так и продолжали все эти годы жить: по выходным ездить на «тринадцатом» прогуляться в центре, покупать одежду в тех же магазинах и молоко в том же гастрономе, собираться теми же компаниями... Только к обычным темам разговоров прибавились обсуждения грудного вскармливания и умственного развития начальника. Как можно не сойти с ума в этой клетке? Как не давит это маленькое пространство, по которому ты курсируешь десятилетиями, день за днем — одно и то же? Мама рассказывала, что, когда приезжала в последний раз, встретила двух моих одноклассниц — Ленку с Надькой. Прогу-

ливались под ручку, накрашившись одной помадой, — все как в старые времена, только пакета со сменкой не хватает. Одна вышла замуж за мальчика из нашего класса, другая — за своего соседа. У жителей этого города жизнь идет по трем этапам: воскресные спектакли во Дворце нефтяника сменяются ночными тусовками в клубе «Облака», потом все выходные — в винном отделе магазина «Юбилейный». Почти все лица, которые встречаются на улице, серые и злые. Разговаривать с тобой будут только сквозь зубы. Каждая лестница пахнет мочой, каждый газон завален покрывалом бутылок и целлюлозных оберток, каждое сиденье в транспорте надорвано или расписано. Это нормально, почти во всех городах так. Почти все так живут. Семь месяцев зимы, четыре месяца и две недели дождей.

Какое счастье, что ты когда-то увезла меня отсюда, мама! Уехать завтра и заклеить наклейкой от банана это место на карте Российской Федерации!

Бар на центральной набережной наверняка один из самых дорогих в городе. В будний вечер здесь тихо, шуршат несколько компаний и невнятная музыка. За овальной стойкой, прямо напротив меня, сидит клерк в костюме и лениво тербит свой бокал, опустив тусклый взгляд в инертную жидкость. Некуда спешить. Он поднимает на меня глаза и пальцами изображает просьбу о зажигалке. Может быть, конечно, я выгляжу так же уныло... Но я-то знаю, что давно уже никуда не спешу. Даже зажигалку кидаю лениво, гранью вперед, как плоский камень в воду, чтобы получился «блин» на поверхности. Он ловит, прикуривает и бросает её обратно, как подачу в волейболе — чуть подкинув вверх и ударив пальцами, задавая траекторию полета. Зажигалка падает в мой стакан.

Витя...

Его можно было, в принципе, опознать до того, как он поднял голову, до нелепых бросков, а всего-то по позе, очертаниям головы... Не знаю чего ещё... Ушей. Но я даже и не думала доверять таким своим ощущениям, что за глупость. Я так отвыкла, что можно встретить настолько старого знакомого случайно, просто по другую сторону стойки. Вру. Да просто я не хотела его узнавать.

Витя когда-то был капитаном волейбольной команды, баскетбольной команды, футбольного клуба школы, диджеем на субботних дис-

котеках, ведущим на праздниках... В общем, звездой. Каждый может вспомнить о таком «школьном герое» своего времени. Мы очень дружили, ходили под ручку, высиживали на сборах совета старшеклассников и хихикали, забившись в дальний угол, напивались иногда. Ну, целовались пару раз. В общем, было что-то невнятное, подростково-крикливое... Если сейчас составлять рейтинг десяти главных людей моей жизни, вряд ли бы он в него вошел. Хотя а кто вошел бы?..

Он лениво курит, вглядываясь в мое лицо. Возмужал, приделался, отрезал юношескую гриву и бородку — повзрослел, но не постарел. Однажды классе в девятом мы развлекались — устроили подобие вечера встречи выпускников и размышляли о том, «как это будет все у нас через двадцать лет», разъехидничались на тему наших разжирневших когда-нибудь девочек, спившихся мальчиков и их карапузов. Он сказал: «Тебе, думаю, это не грозит. Ты с твоей-то энергией и успешностью и в пятьдесят будешь выглядеть как нимфетка». Потом летом я переехала и к нему в гости проведать так и не добралась, хотя и обещала много. Неисповедимы пути господни — вот и свиделись. Двадцати лет ещё, правда, не прошло, но сколько уже успело поменяться? Много ли?..

— Эльза, — говорит он вдруг громко, махая рукой.

Я вздрагиваю. Видимо, не многое изменилось, раз узнал. Как дела, Витя, что ты делал эти годы, чем жил? Что я могу тебе рассказать? Я, конечно, очень успешна, как ты и предсказывал. После нашего расставания поступила в один из лучших вузов страны, потом разочаровалась и бросила. Вышла замуж за бизнесмена, уехала жить в большой дом у моря. Потом развелась, вернулась обратно. Кстати, другой язык так нормально и не выучила. Нигде не работала, друзей всех где-то забыла. Что рассказать тебе, что же у меня нового? Пятнадцать килограммов. Тебе интересно?

Он не сводит с меня взгляд, видимо, ждет ответа. Потом берет свой бокал и идет ко мне. Имя мое редкое, ни с кем не спутаешь. В Греции меня с ним и моей внешностью принимали за немку.

— Что? Вы ошиблись, — и отпиваю из бокала большой глоток, выживая губами плавающую в нем зажигалку.

— Правда? — он садится рядом со мной и долго смотрит. — Тогда жаль. Вы очень похожи на мою старую знакомую. Я Виктор. Да выбросьте вы эту зажигалку, она уже отсырела вся, наверное. У меня есть.

Господи, ну какая же идиотка. Успокойся, засунь руки между коленок и спокойно посмотри на него. Здесь темно, почти ничего не видно, он не знал про тебя ничего целую вечность. Да если хочешь, можешь вообще с ним не разговаривать! Развернись и езжай к деду.

— Вы не против, если я составлю вам компанию? Раз уж я так глупо обознался... Выпьем вместе. Интересно, что сейчас делает Элка? Не удивлюсь, если она молодежный кумир где-нибудь в Канаде.

— Вы водку любите? Давайте возьмем.

Нам приносят шкалик «Парламента» и рюмки. В Греции пьют водку в стаканах — сто грамм водки, много-много льда и кусок лимона. Я, когда впервые увидела, чуть не подавилась ею же.

— За друзей, — поднял Витя рюмку и выпил хлопком.

— Бывшая любовь? — спросила я.

— Не то чтобы... Просто хорошая девчонка, талантливая очень. Егоза была страшная! Ну да ладно. Давайте какой-нибудь стандартный вопрос. Как вы здесь оказались?

Я испуганно смотрю на него.

— Я имею в виду... Не все же ходят пить в среду вечером. А у тех, кто ходит, должны быть на это причины. Ладно, наверное, бестактный вопрос... Извините. Давайте ещё по одной.

Ямос!¹ Теперь я рот боюсь раскрыть — боюсь, что он узнает мой голос. Сколько раз мы пели, орали, визжали дуэтом под гитару. Зачем я начала врать? Какая мне разница до того, что бы он подумал? Я не видела его десятилетие и, надеюсь, больше никогда не увижу. Теперь же признаваться во вранье совсем глупо. Он же никогда не был дураком, этот Витя. Сразу поймет все причины.

— Теперь за знакомство, — он звенит боком своей рюмки об стенку моей — и опрокидывает её в рот. — Я, знаете ли, правда считаю, что случайных встреч не бывает. Вот, например, знаете, как я со своей женой познакомился? Ехал ночью из Москвы домой на поезде, не спал несколько дней. Так заснул, что проснулся уже

¹ Ямос! — «Будь здоров!» по-гречески во время застолья.

в Череповце. И проводник меня забыл разбудить. Вышел, растерянный, на вокзал, пошел билет покупать. Подхожу к кассе, а за окошком девушка сидит, красивая — глаз не отвести! Я не удержался, сказал, мол, отмените билет, давайте лучше встретимся вечером. А уже через три дня её к себе увез... Молодо — горячо.

Давно ли он стал так пить, этот Витя. Ладони у него большие, загорелые, пальцы длинные, мелко подрагивают, барабают по рюмке. Кольцо тоненькое, серебряное. Значит, вокзальная красавица ещё в силе? Или какое оно может быть по счету?

— Жена моя сейчас в отъезде, — будто подслушав мои мысли, отвечает он. — Уехала с сыном в санаторий почки ему лечить. Да, — он делает большую паузу. — Но это ничего, ничего. Мне врач его сказал — это хорошо, что мы так рано это обнаружили. Сказал, что есть большой шанс все вылечить и больше никогда об этом не вспомнить. У вас дети есть? Нет? Знаете, я понял, что пока своих не сделаешь — никогда не поймешь, что это такое...

Он опять разливает водку. Надо бы сказать, чтобы снизил темп. Внутри, в грудной клетке, образовался как будто свищ — то ли тошнит от него, то ли, наоборот, хочется подпрыгнуть. Глазам горячо и беспокойно. Но дело не в алкоголе, а в каком-то внутреннем ощущении, которое я никак не могу понять и назвать как-либо.

— Женщинам, наверное, страшнее детей заводить. На них же больше ответственности ложится. Всё боятся, что что-то в жизни упустят, чего-то не успеют. А мне кажется, было бы желание — все успеешь. Встретил недавно свою одноклассницу Надьку. С выпускного её не встречал. Она за это время и звание младшего лейтенанта милиции получила, и двоих родила... Главное: глаза счастливые — смотреть приятно.

Витя все говорил, рюмки все плыли. Я уже плохо слушала его, все царапала ногтями барную стойку. Он, кажется, рассказывал про фирму, в которой занимает пост вице-президента, про походы в тайгу, про каких-то людей, про какие-то клубы по интересам... Речь его становилась более мягкой и невнятной. Внутри меня же росла уверенность в правильном выборе своей тактики — умолчания. Я не знала бы, как построить наш с ним диалог — как кричать друг другу, находясь в разных башнях.

Зазвонил телефон, я извинилась и вышла в вестибюль. В трубке дед спросил, скоро ли я приеду домой — он не знает, одному ли ему ужинать или подождать меня.

Я вошла обратно в бар и попросила бармена вызвать такси.

— Спасибо. С вами очень интересно говорить, — сказал Витя. — Знаете, я каждый день вижу сотни людей... Со многими я обсуждаю разные рабочие дела, городские, погоду, всякую муть... И очень редко встречаю тех людей, которым было бы интересно, как дела у меня. С друзьями видеться времени почти нет. Последние недели ещё живу один. Хоть вешайся... Скорее бы мои родные приехали. Простите, я даже не узнал, как вас зовут. Все было ощущение, будто с давним другом говорю.

Я махнула рукой и кинула в сумку сигареты и телефон.

— Я провожу вас.

Мы вышли на пустую набережную под морозящий мерзкий дождь. Колкие капли плевали в лицо, в глаза.

— За что я только люблю этот город? Уехать бы поближе к морю, купить лодку...

В Греции, в городе, где я жила, в это время года уже гуляют первые туристы, мелькая цветными юбками и яркими майками, начинают грохотать прибрежные бары и носятся радостные таксисты. Здесь же даже не работает половина фонарей. Мы стояли, засунув руки в карманы пальто, наконец-то молча, и потихоньку мокли. Подъехала черная «Волга» с шашечками. Я повернула к нему голову, тут он обнял меня и, покачиваясь, запел: «Безобразная Эльза, королева фли-ирта, с банкой чистого спирта я спешу к тебе...» Я уткнулась в его воротник и зажмурилась. Это был наш хит, исполнявшийся дуэтом в кульминации вечера, когда пьяное состояние достигало своего апогея. «Нам по двадцать семь лет, и все, что было, не смыть ни водкой, ни мылом с наших душ». Витя чуть наклонился, я на всякий случай отвернулась, и он поцеловал меня в лоб. Я отошла от него и села в такси. Сказала водителю адрес, потом посмотрела в окно, но уже никого не увидела.

Перед ужином дедпил свои таблетки. На ужин ели котлеты с картошкой. После пили чай с печеньем.

— Пенсию сегодня дали! Её всегда приносит одна девчушка — лет сорока. Очень я люблю, когда ко мне приходят. Хотя, кажется, она не очень умна, но зато хоть какой-никакой веду разговор немножко. Человек все-таки стадное существо, Элюша. Очень ему плохо без общения.

— Давай соберем твои вещи и поедem завтра домой, — сказала наконец-то я. — Знаешь, как тебя все ждут! Как мама будет рада.

— Переезжай-ка лучше ты ко мне. Очень мне с тобой хорошо. Найдешь себе здесь работу, друзей старых, я тебя обременять сильно не буду... Представляешь, все три дня, что ты здесь, у меня такое чудесное давление, как уже несколько лет не было, — смеялся дед.

Он, сгорбившись, медленно ходил по кухне, тяжело дышал и смачно затягивался папиросой. Подошел к подоконнику, затушил бычок в старой банке из-под кофе, заложил руки за спину и застыл.

— Ой, снег опять пошел, ты смотри! — воскликнул дед.

Я подошла к раковине и начала мыть посуду. Подбитые стертые тарелки, железные вилки... Из крана холодная вода текла тоненькой струйкой, зато труба плевалась. На полу опять лежали куски штукатурки. Первые два дня здесь я пыталась привести квартиру в приличный вид — несколько раз перемывала старыми майками вздутые полы, чистила стены, стирала пыль, собирала по всем углам паутину, выкидывала коробки и нескончаемые давно начатые банки с уже порченными маринованными огурцами...

Теперь можно было оглянуться и ощутить, какой сизифов труд это был, какой масштаб бедствия уже есть. С тех пор как три года назад умерла бабушка и дед живет один, дом моего детства превратился в хлев. Да и как по-другому, если у него уже почти нет ни сил, ни зрения?

— Что ты упрямисься, если тебе плохо здесь! — закричала я. — Если есть дом, где тебя любят и ждут, где чисто, где всегда тебя вкусно накормят, где ты нужен! Нельзя же быть все время одному. А если ты опять плохо себя почувствуешь? Если, не дай бог, не успеешь вызвать врачей?

Дед молча смотрел в окно и тихо покачивался. Как Витя недавно. Я выключила воду, вытерла руки о дырявое полотенце, подошла и обняла его за худые плечи.

— Знал я, что такой разговор будет. Не обижайся, хорошая моя. Это мой дом уже много лет, и я здесь хозяин. Я никуда отсюда не уеду.

За окном и правда шел снег и таял в лужах. Горел один фонарь, и под ним чернели скользкие шины. Где-то за стеной завывала собака. Дома меня ждет все то же самое. Купить, что ли, билет в Азию, например до Ташкента, уехать, найти себе там подработку, жилье? Я никогда ещё там не была. Там, наверное, все совсем по-другому. Может, там лучше?

Дед похлопывал меня по ладоням.

— Не грусти. Я приеду на недельку, как обычно. Всем большой привет передавай. Обязательно передавай привет всем.

□

Александра ПОЯРКОВА

родилась 19 мая 1988 года в Москве.

В 2009 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького,

семинар прозы А.В. Королева,

в 2012-м — факультет туризма

Римского университета «Ла Сапиенца».

Продолжает учебу в магистратуре.

С 2009 года живет в Риме и работает в туристической сфере.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

